

Александр Куприн

Светоч царства

Александр Иванович Куприн

Светоч царства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547555

Аннотация

«Как и всегда в погожие дни, старый художник Иван Максимович Тарбеев проснулся в шесть часов утра, легко сделал свой несложный туалет, выпил кофе с молоком и теплым сдобным бубликом и пошел не спеша по холодку в Булонский лес, до которого ему было ходьбы всего десять минут, включая сюда время на переход воздушного мостика через окружающую железную дорогу. Деревья встретили его своим осенним чистым и свежим дыханием, всегда как-то радостно новым...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Александр Иванович Куприн Светоч царства

Как и всегда в погожие дни, старый художник Иван Максимович Тарбеев проснулся в шесть часов утра, легко сделал свой несложный туалет, выпил кофе с молоком и теплым сдобным бубликом и пошел не спеша по холодку в Булонский лес, до которого ему было ходьбы всего десять минут, включая сюда время на переход воздушного мостика через окружную железную дорогу. Деревья встретили его своим осенним чистым и свежим дыханием, всегда как-то радостно новым.

У художника были уже давно отмечены свои привычные, излюбленные местечки в зеленой подвижной тени каштановых, липовых, тополевых и платановых аллей этого великолепного парка-леса. Любил он спускаться по нижним дорожкам к одному из двух озер, спокойно лежавших в оправе из темных высоких сосен. На их холодной поверхности, то серебристой, то стальной, то черной, то нежно-голубой, скользили лодки гребцов и плавали разнопородные дикие утки и прекрасные лебеди: белые и черные – австралийские. Птицы совсем не боялись людей и охотно подплывали к самому берегу за хлебом. Особенно любил Тарбеев кормить бул-

ками лебедей из рук. Ему очень нравилось, как они своими жесткими суетливыми клювами выщипывали, вытаскивали насильно куски хлеба из его сопротивляющихся пальцев...

Долго простаивал он на краю обширных площадок, предоставленных для детских игр. Радостно мелькали перед его глазами на ярко-зеленом газоне красные, синие, желтые, лиловые, белые, коричневые – всех цветов и оттенков – детские платица. Посредине такого живого поля обыкновенно возвышается одинокое огромное столетнее дерево: каштан, лиственница или дуб, поражающие на открытом месте своей необычайной высотой, мощностью ствола и царственной широтою кроны, под которой могла бы укрыться от дождя рота солдат или целый девичий пансион. Иногда углублялся Тарбеев на волю случая по неизвестной боковой тропинке в тесную гущину леса. Там не раз мимо художника, неподвижно сидевшего на раскладном холщовом стуле с красочным ящиком на коленях, с кистью в руках, беззвучно и опасно проходила семья пугливых грациозных серн, с тоненькими ножками, с влажными черными глазами. Прелестные животные останавливались недалеко от Тарбеева и несколько минут внимательно осматривали его, однообразно повернув к нему маленькие чуткие головки с дрожащими черными ноздрями. И потом, вдруг, как будто по неведомому сигналу, все они сразу мгновенно и беззвучно исчезали в лесу.

Поперек аллей, вокруг всего парка и обоих озер, пролегает мягкая, разрыхленная дорожка для верховой езды.

В утренние часы Тарбеев, расположившись на уединенной скамейке, подолгу наблюдал всадников, всадниц и лошадей, проходивших мимо него крупным галопом, и делал быстрые кроки в карандашном альбоме. Когда-то он и сам был страстным наездником и хорошо знал не только фигуру лошади как в покое, так и в движении, но и лошадиную душу. Частенько он с улыбкой говорил: «Это лошадь привезла мне известность». Конечно, здесь была лишь шутка, свидетельствовавшая об его обычной скромности. Еще до революции в музеях, галереях и в частных коллекциях хранилось много его известных картин, в которых лошадь всегда была лишь неизбежным и любимым аксессуаром. Тарбеев был влюблен в яркий, цветной, экзотический Восток. Он долго путешествовал по Туркестану, Ташкенту, Бухаре, Персии, Афганистану и Ближней Индии, где пешком с проводниками, где верхом на лошади, на осле, на муле или на верблюде, вместе с караванами. Неутомимо зарисовывал он восточные мечети, пагоды, дворцы и живописные палатки кочевников; бронзовые лица женщин, мужчин, стариков и детей, базары, праздники, охоту, дикие скачки и мирный повседневный быт. Но с особенной любовью и проникновенностью писал он лошадей. Сегодня выдалось чудесное утро поздней осени. Вчера небольшой мороз слегка затянул оба озера тончайшей ледяной пленкой, а ночью прошел маленький снег и к рассвету покрыл ее нежной воздушной белой пылью, которая слегка, чуть заметно, розовела на заре. Странно и умильно было

видеть бархатную свежую зелень прибрежного газона рядом с белым тихим облачением зимы. Угрюмые черно-зеленые сосны бросали свои длинные тени на озеро, и эти переплетенные тени казались на снегу прозрачно-голубыми. Удивительное, волшебное соединение красок темно— и ярко-зеленых с розовой и голубой вызывало в душе художника легкую, томную печаль.

«Смерть, — думал он, — а как прекрасно!»

Мимо него, все в одном и том же направлении (обратном движению часовой стрелки), скакали дамы, сидевшие в седле по-мужски и потому казавшиеся такими же маленькими, легкими и искусными, как жокеи; громко и тяжело шлепали задами американцы; англичане сидели на прекрасных лошадях с уверенной небрежностью и, не обращая внимания на посадку, производили впечатление прирожденных всадников; французы скакали, растопылив ноги; под офицерами часто бывали арабские лошади, серые, с тонкой кожей и с породистыми прелестными мордами. Но теперь Тарбееву было не до них. Снег на льду быстро таял, и розово-голубые на нем оттенки должны были вскоре погаснуть. Художник торопился уловить красивый момент, пока он держится.

Не отрываясь от работы, он услышал, как слева от него закрипели по гравию чьи-то шаги. Затем две человеческие фигуры остановились между ним и восходом солнца, застыл художнику свет.

Тарбеев поднял глаза от походного мольберта.

Этих двух людей он видел несколько раз на улицах Пасси, в тех местах, где нет тесного автомобильного движения.

Одного из них, старшего, пожалуй, нельзя даже было назвать целым человеком, а всего лишь половиною, потому что сознание его было омрачено, по-видимому, навсегда. Когда Тарбеев спросил о нем знакомую толстую привратницу, та ответила с безгловым выражением на лице: «Ах, это один бедный идиот».

Удивительно: французы без всякого отвращения или отчуждения относятся к уродам, к людям с изуродованными лицами и с проваленными носами, к калекам, к слепым; но умственные и психические дефекты вызывают в них нетерпеливое волнение, похожее, скажем, на боязнь душевной заразы: они сторонятся от идиотов, эпилептиков, пьяных, заик и просто утомительно глупых людей. Поэтому же они не выносят мямлящей, тягучей речи с повторениями, ежеминутными остановками. Если иностранец спрашивает о чем-нибудь незнакомого парижанина, но говорит при этом не по-французски, а лишь переводя мысленно слово за словом родного языка на слова французские, то этот «париго» выслушает его внимательно. Не поймет, но повторения не будет дожидаться, разведет руками, хлопнет ими себя по бедрам, скажет хрипло «alors»¹

¹ Ну что ж (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.